

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XX в.

Русская историография начала прошлого столетия примечательна постановкой и определенным решением ряда интересных проблем методологического и теоретического планов. В начале XX в. в печати появляются интересные публикации П. Н. Ардашева, П. Г. Виноградова, Р. Ю. Виппера, Н. И. Кареева, М. Рубинштейна, А. К. Дживилегова и других. В числе ведущих тем оказываются вопросы свободы, права, экономических оснований социальных доктрин, различных аспектов этических воззрений, идеи исторического прогресса и т. д. Одной из животрепещущих проблем оказывается проблема специфики самого исторического (со)знания и его места среди дисциплин социогуманитарного плана. Выкристаллизовывается идея возможности различных уровней прочтения исторического.

Как известно, на рубеже XIX–XX вв. утверждаются две противоположные школы исторического анализа. Одна, ярким представителем которой был Л. фон Ранке, подчеркивала уникальность истории. Констатация исторических фактов вне установления закономерностей, гипертрофия индивидуального – в этом заключалась позиция представителей данной школы. Другая школа имела позитивистскую направленность. Ее представители стремились рассматривать исторические массивы, фиксировать связи и отношения между событиями, выделять структурные уровни. В русле указанных методологических ориентиров особое прочтение приобретали проблемы индивидуального и общего, возможности индуктивно-дедуктивных приемов, значения статистических данных в анализе исторических процессов. Круг указанных проблем, соотносимых, наряду с другими, с вопросом периодизации, с неизбежностью приводил к постановке задачи усовершенствования исторического синтеза, поиску обобщающих понятий, стремлению выявлять закономерности и создавать модели исторического развития. Анализ источников позволяет отметить большую привлекательность (хотя и не единодушное признание) позитивистской школы для отечественных мыслителей.

Для историко-социальных дисциплин превращение бесконечного в своем разнообразии и неповторимо-уникального исторического процесса в организованную и познаваемую после-

довательность событий – это одна из насущных задач. Ее постановка относится еще к XVIII в. Своеобразным ответом на подобные запросы в середине XIX в. явилось марксово понятие общественно-экономической формации как исторического типа общества, определяемого способом производства, что вполне соответствовало требованиям позитивистского толка.

Поставленные задачи не могли не затрагивать вопросов обновления историко-понятийного аппарата, выработки обобщающих понятий, позволявших установить границы и этапы исторического развития. В историческом материале важным оказывалось не столько деление на события, сколько на состояния. Но выделить и объяснить историческое состояние можно лишь дав ему описание в наиболее общих терминах. Развивавшееся историческое познание диктовало необходимость выработки особых понятийных средств выявления сущностных аспектов истории, утверждения ее нового языка. В социально-историческом знании появляются понятия гештальта, морфологического единства, типа и прочие. Значимость понятийного аппарата никогда не вызывала сомнения. «Слово есть, очевидно, одинаково первый классификатор для всей сферы нашего познания. Как научные системы суть последний для нее классификатор»¹.

Новые понятия были призваны зафиксировать зарождающееся конструктивное начало, захватывающее по сути все научные сферы. Анализ гносеологических сторон обобщения, неизбежно соотносимого с понятием, осознавался как весьма существенный. Сама процедура обобщения стала вызывать пристальный интерес. На ее возможности и специфику в историко-социологических науках стали обращать внимание на рубеже веков, особенно после работ М. Вебера. Введенное им понятие «идеального типа» стало итогом продолжительных размышлений над методологией социально-исторических наук, возможностями конструктивно-моделирующего подхода.

Как вариант обобщения рассматривалась индукция, анализировалось обобщение как отбор репрезентативных объектов и явлений, служивший «маяком» для дальнейшего упорядочения материала, констатировались так называемые ограниченные обобщения. Конечно, и на рубеже веков и после эвристические возможности исторических обобщений разделялись не всеми, но уже в начале века можно встретить сетования на то, что «недалеко еще от нас то время, когда историки с край-

¹ *Перцев П.* Гносеологические недоразумения // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 96 (1). С. 33.

ним предубеждением относились к сколько-нибудь широким обобщениям и построениям»¹. Но и спустя десятилетия предубеждения сохранялись. Известно, что Р. Дж. Коллингвуд, например, возражал против широких исторических обобщений и общеисторических понятий.

Кроме перечисленных проблем, в начале века проблемой общеметодологического порядка, соотносимой с историческим знанием, явилась проблема классификации наук. Классификация наук с неизбежностью требует установления иерархии дисциплин, рассмотрения соотношения предмета и метода, и, в конечном счете, выступает как один из приемов систематизации знания. В свете исторического знания проблема оказалась эксплицированной соотношением истории и социологии. Выяснение этого вопроса становится лейтмотивом многих отечественных и зарубежных работ. Вот как об этом писал один из исследователей: «Каково соотношение между этими науками? История исследует общественные явления, их развитие в определенных условиях места и времени, социология – отвлеченно. История может быть названа конкретной социологией, если под этим термином разуметь не отвлеченную науку, а науку вообще о развитии форм и явлений человеческого общежития»². Желание «онаучивания» исторической дисциплины рождает термин «историология», но это терминологическое новшество не получило значительного теоретического осмысления. Сравнение социологии и истории приводило, как правило, к игнорированию самостоятельности последней, что обуславливалось в том числе и отсутствием общепринятых понятий исторического знания.

Указанные проблемы получили своеобразное решение в отечественной социально-философской мысли. На рубеже XIX и XX вв. появился ряд историографических работ, в которых отмечалось значение типологических обобщений. Это, прежде всего, работы Р. Ю. Виппера и А. С. Лаппо-Данилевского, предложившего учение об исторической типологии. Отмечая значимость работ указанных авторов, я, тем не менее, оставлю их в стороне, ибо они получили достаточно полное освещение в ряде последних исследований сотрудников Санкт-Петербургского университета. Однако вне сферы анализа остались не ме-

¹ Пискорский В. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории // Ученые записки Казанского императорского университета. Кн. 1. – Казань, 1907. С. 1.

² Новодворский В. Несколько слов о направлениях в современной историографии // Университетские известия. Киев. 1909. № 5. С. 19.

нее интересные работы, типологическая проблематика которых весьма примечательна.

В целом, анализ трудов рубежа XIX–XX вв., посвященных вопросам типологии, позволяет разделить их на две категории. Можно указать работы, в которых проблема типологии затрагивается «по касательной», хотя предлагаются весьма интересные решения. В частности, это упомянутая статья В. Пискорского. В этой статье автор рассматривает вопросы, явившиеся лейтмотивом большинства социально-исторических работ того времени. Одним из таковых было отрицание истории в качестве науки, так как «для существования ее необходима система общих понятий и законов»¹. Пискорский предлагает выход методологического порядка. Автор отмечает, что для исторической науки важно как общее, так и единичное. Однако историческое знание не должно охватывать всю массу конкретных, единичных фактов. Важно умение из массы исторического материала выбирать то, что, как пишет Пискорский, можно назвать типическим. «Но в истории тождественных явлений не бывает, и в применении к общественным явлениям обобщения приводят к установлению не законов, а причинной зависимости и типичных форм общественного развития»². (Отметим, что авторы не используют современное прочтение термина – типологическое, но, по сути, речь идет именно о типологическом понятии.) Понятие тип, как мы видим, выдвигалось им в качестве своеобразного разрешения определенных теоретико-методологических проблем исторического знания того времени.

Но если Пискорский не конкретизирует теоретико-методологической сути типологии, то статья В. М. Хвостова весьма значительна в раскрытии таковой³. Общей задачей Хвостова, как следует из названия статьи, были желание разобраться в соотношении наук, а также «выработка правильных методов собирания и обработки социальных фактов»⁴. Анализ статьи Хвостова дает основания расширить границы заданного, ибо речь идет не просто о классификации наук, но о систематизации научного знания в целом. Классификация наук всегда оказывалась тесно связанной с проблемами единства и разгра-

¹ Пискорский В. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории. – С. 2.

² Там же. С. 5.

³ Хвостов В.М. Классификация наук и место социологии в системе научно-го знания // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 139.

⁴ Там же. С. 123.

ничения знания, поисками его общих принципов и указанием, как пишет Хвостов, причинных рядов внешнего мира.

Именно в этот период в науке начинается кризис существовавших в то время методологических стратегий познания («разделительно-констеллирующая техника»). Присущая типологическим конструкциям способность не разделять резкими границами исходный материал делает его особенно привлекательным для методологических проработок историков. (Вопросы классификации и единства наук интересовали многих. Так, тремя десятилетиями раньше рассматриваемой статьи Хвостова, а именно в 1891 г., в Киеве вышла работа И. Пачоского «Метод классификации и единство наук»).

Хвостов, как и многие российские исследователи начала XX в., находился под влиянием позитивизма, определявшим достаточно жесткую демаркацию научных дисциплин. Следствием этого явилось принципиальное разграничение наук представителями баденской школы неокантианства на номотетические и идеографические как в отношении предмета, так и метода получения знания. Суверенность дисциплин приводила к признанию их дискретности, изоляции, невозможности «наведения мостов». Но концепция неравнозначности познавательных приемов не могла не стимулировать поиск граней соприкосновения, возможности их единения без амбициозных взаимных претензий. Одну из таких попыток демонстрирует типология, явившаяся предметом анализа указанных авторов.

Рассматривая вопрос классификации наук, Хвостов выделяет науки о природе, о жизни и о духе, а по методу – науки о законах и о единичном. Движение мысли, как мы видим, идет в позитивистском русле. Он, как и многие в то время, был склонен выделить дисциплины номотетического толка, которые выявляют причинные зависимости и законы, позволяющие объединить многообразие в определенные однозначные целостности. Кроме этого, существует знание о частном, единичном. Новизны в констатации такого рода нет.

Но если и позитивизм, и неокантианство проводят лишь разграничения, то Хвостов выходит за пределы сказанного. Он выстраивает своеобразный «перекидной мостик». «Среднее место между науками о единичном и науками об общих неизменных законах природы занимают науки, которые можно назвать классифицирующими или типологическими»¹. Науки о типах охватывают у Хвостова широкий круг дисциплин (это минералогия, ботаника, зоология, антропология, политиче-

¹ Там же. С. 112.

ская экономия, юриспруденция и филология), демонстрируя тем самым, что предмет анализа не является камнем преткновения для типологических конструкций.

В отличие от В. Виндельбанда, который, вслед за разведением наук по предмету приходил и к их методологической противоположности, Хвостов полагает, что типологические приемы могут использоваться различными науками. Методологическая установка позитивизма выделяла общее как принадлежащее номотетике и единичное как сферу идеографических познавательных приемов. У Хвостова вопрос необходимого и случайного, общего и индивидуального получает своеобразную трактовку, суть которой состоит в констатации типологического понятия как связующего. «Тип по самому своему понятию есть нечто среднее между необходимым и случайным»¹.

Идея срединного положения типологического обобщения постепенно получает признание большинства дисциплин социогуманитарного плана. Представитель психологии писал: «Значение этого последнего (типа. – *Н. М.*) ближайшим образом связано с тем, что в нем и выдвигаются те срединные принципы *axiomata media* (Бэкон), которые во всяком рациональном построении теории действительно приобретают связующую функцию от конкретных терминов дисциплины до конкретных принципов метода»². Опережая всех, высказывается представитель исторического знания, указывая на типологию как на прием, близкий номотетике и в то же время не зачеркивающий индивидуальности. «Познание такого рода – номотетическое, нормативное – возможно только в том случае, если изучаются не различия между фактами и явлениями, а типическое соотношение между ними»³.

И вот уже Хвостов «дополняет» Новодворского, отмечая значимость понятия о «типах, под которые можно подвести индивидуальные продукты»⁴. Таким образом, типология оказывалась на нейтральной полосе, занимая особое положение между единичным и общим, номотетическим и идеографическим. «Тип есть такое обобщение, которое не претендует на необходимость, так как предполагает для своего появления известную комбинацию причин, которая в такой чистоте никогда

¹ Там же.

² *Страхов И.В.* О методе психологии в связи с проблемой типа // *Естествознание и марксизм.* 1930. № 5. С. 118.

³ *Новодворский В.* Несколько слов о направлениях в современной историографии. – С. 15.

⁴ Там же.

не осуществляется. Но в то же время тип не есть нечто индивидуальное, так как до известной степени данная комбинация более или менее часто повторяется»¹. В конечном счете, науки о типах, как пишет Хвостов, не принадлежат ни истории, которую традиционно относили к идеографической дисциплине, ни социологии, отвечающей многим положениям номотетики. И не случайно, отмечая приоритет социологического знания в использовании типологических приемов, Хвостов смягчает ситуацию, разделяя социологию на так называемую основную социологию и ту, что близка единичному, т. е. истории.

Раскрывая логико-методологический аспект типологических обобщений, Хвостов указывает, что они имеют качественно новый синтез, ибо носят творческий характер, связанный с отсутствием содержания следствия целиком в причине. Принцип причинности, подробно рассмотренный еще Декартом, говорит о том, что причина никогда не может быть меньше следствия и должна содержать в себе столько же реальности, как и следствие.

Но в историко-типологических обобщениях это нарушается. Жесткая причинная связь исторических фактов – это удел хроники, но не истории и не типологических построений. Типологические обобщения ускользают от общей причинности. Законосообразности, фиксируемые типом, отличны от каузальной зависимости, они лишены ее однозначности. Типолог наделяет правом отбирать те характеристики исторической реальности, которые он считает значительными для выработки обобщающего понятия, что позволяет соотносить типологические конструкции с воображением, интуицией, «полетом мысли». Это может быть новая комбинация исторических фактов, выделение отдельных элементов действительности, акцентировка того, что в прошлом ускользало в анализе исторического процесса. Исторический тип оказывается логической конструкцией, базирующейся на выделенных и актуализированных исследователем явлениях, не имеющих прямого аналога в реальности. Вот почему исследователи признают, что понятие «тип» не является родовым понятием, т. е. понятием, которое основывалось бы на наличии общего признака. Это понятие единичное, точечное. Оно базируется на смысловом сходстве исторических событий и носит структурный характер, но и смыслы и структура зависят от исследователя.

Типологические обобщения часто соотносили с классификационными процедурами. Но на рубеже веков приходит осоз-

¹ Там же.

вание специфики упорядочения материала через процедуры, делающие классификацию «все более и более отвлеченной». Этот элемент идеализации, «вкрадывающийся» в классификационные процедуры, подготавливал гносеологическую особенность типологизации, суть которой состоит не в отражении и объяснении материала, а в его интерпретации. Хвостов – не исключение. Именно это позволило ему отметить, что типологические построения «описывают действительный мир, охватывая его с большей степенью экстенсивной полноты, чем науки об индивидуальном, т.е. включая в свое описание более широкие группы явлений, но зато с меньшей степенью интенсивного углубления, нежели науки о законах природы, т.е. не доводя своего анализа до последних простейших элементов, подчиненных неизменным и вечным законам»¹.

Остановившись на прикладной стороне типологических обобщений, Хвостов отмечает наличие двух вариантов типологии: статической и динамической. Статические типологии выполняют элементарную систематизаторскую роль. Они призваны, как пишет автор, хоть сколько-нибудь разобраться в многообразии изучаемых продуктов природы и духа. По сути, в этом случае речь идет об обычной классификации. Динамическая типология (Хвостов также склоняется к названию ее эволюционной) призвана фиксировать смену однородных состояний, форм природного и духовного мира. Динамическая типология может быть проинтерпретирована как вариант систематизации, близкий периодизации и биологической систематике.

Анализ материала столетней давности позволяет констатировать прозрения, сделанные отечественными учеными. Избегая позитивистских крайностей, они дали ответы на вопросы, поставленные социально-исторической методологией нашего времени. Следует отметить, что уже сам факт появления в социально-историческом знании типологических обобщений продемонстрировал ослабление жестких нормативов научного языка, провозглашенных позитивизмом. Прежние языковые парадигмы науки все более смягчались, демонстрируя тем самым модификацию самих моделей мира. Отечественные исследователи полагали правомерным наличие приема, располагающегося между отмеченными методологическими полюсами, что связывалось ими с типологическими обобщениями.

Эта позиция особенно важна в свете современного прочтения типологических конструкций. Развитие методологии идет, как показывает современность, не по линии демаркации позна-

¹ Там же.

вательных приемов, а по линии признания их взаимопроникновения. Типологические конструкции, как свидетельствует практика, вырабатываются для анализа явлений, которые можно назвать «обтекаемыми». Неслучайно Хвостов, анализируя типологические обобщения, отмечал, что, не достигая логической высоты законов, они «часто бывают достаточны, если не требуется полная достоверность»¹.

Различие между науками об общих и неизменных законах и типологическими науками сводится, по его мнению, к различию в степени широты и достоверности обобщений. В случае типологических конструкций достоверность не нужна. Это своеобразная форма знания о мире, не обладающая однозначностью. Типологическое понятие служит инструментом опосредованного изучения объектов действительности (исторической в том числе), оно предшествует опыту реального столкновения с предметом, помогая в освоении его содержательной стороны, но одновременно предоставляет возможность собственного видения предмета.

Исследователи начала прошлого столетия вольно или невольно склонялись к весьма распространенному в наши дни положению о том, что «лицо науки» определяет не только предмет, но и метод, который многое позволяет открыть в предмете. Введение новых методологических представлений, связанных с понятием типа и типологических процедур, очевидным образом было ответом на признание недостаточности как методологии, основывающейся на позитивистских принципах, так и классических формально-логических операций.

А спустя десятилетия В. И. Вернадский отметит, что науки все более специализируются не по предмету, а по проблемам. Проблема же состоит в полнокровном анализе познавательного приема, позволяющего рассматривать объекты и явления, не обладающие однозначностью, но способные представить исходный материал в новом, весьма интересном ракурсе.

¹ Там же.